

Комлик Надежда Николаевна

ДРЕВНЕРУССКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ Е. ЗАМЯТИНА "МЫ"

В статье рассматриваются образы двух главных героинь романа Е. Замятина "Мы" - I-330 и O-90 - в контексте древних этико-эстетических воззрений русского народа, что позволяет автору работы обнаружить потаённые нравственно-философские смыслы, дополняющие и уточняющие созданную писателем необычайно яркую национальную картину мира, в которую органично вписывается и стоящий особняком роман "Мы".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 92-95. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

THE DEVELOPMENT OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE AND CULTURAL COMPETENCE
OF STUDENTS OF TECHNICAL HIGHER EDUCATION ESTABLISHMENT WITHIN THE SCOPE
OF THE PROJECT WORK ON THE ACADEMIC DISCIPLINE "FOREIGN LANGUAGE"

Kovaleva Yuliya Yur'evna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor

Frolov Ruslan Andreevich

Shagdyrov Bator Il'ich

National Research Tomsk Polytechnic University

yulia_kovalyova@tpu.ru; frolov07121994@mail.ru, batorshagdirov@mail.ru

The article is devoted to the problem of foreign language communicative and cultural competence development of junior students in the process of the English language studying in a technical higher education establishment. Method of projects is considered as one of the methods which favour the increase of students' skill level of sought-for type of competence. The authors present the description of requirements and stages of the project execution, suggest the possible model of project work realization within the scope of studying one of the modules of the discipline "Foreign language".

Key words and phrases: project work; foreign language communicative and cultural competence; requirements and stages of project work; model of project execution.

УДК 82:801.6

Филологические науки

В статье рассматриваются образы двух главных героинь романа Е. Замятина «Мы» – I-330 и O-90 – в контексте древних этико-эстетических воззрений русского народа, что позволяет автору работы обнаружить потаённые нравственно-философские смыслы, дополняющие и уточняющие созданную писателем необычайно яркую национальную картину мира, в которую органично вписывается и стоящий особняком роман «Мы».

Ключевые слова и фразы: языческая; дохристианская Русь; историко-культурное пространство; древний идеал женской личности; природное и механическое.

Комлик Надежда Николаевна, д. филол. н.

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

nkomlik@rambler.ru

ДРЕВНЕРУССКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ Е. ЗАМЯТИНА «МЫ»[©]

Тема древности, к которой постоянно апеллирует главный герой романа Е. Замятина «Мы», представлена в произведении многообразными пластами культуры человечества, начиная со времен доисторических и завершая двумя десятилетиями века XX. В этом многослойном историко-культурном пространстве заметное место занимает культура Древней Руси, представленная не эксплицитно, а в скрытой глубине замятинского текста.

Вообще древняя, дохристианская, языческая Русь заворожила Е. Замятина. Древнерусский культурный контекст органично входит в художественную плоть многих произведений писателя, образуя характерную для его творческого мастерства особенность – концентрированность письма, глубокий и многообразный в плане смысловых решений подтекст. Присутствует такой контекст и в романе «Мы». Носительницей древних культов и идеалов «Руси изначальной» в замятинской антиутопии является, прежде всего, невычислимая, неуправляемая I-330. В ней бьется горячая, солнечная, «лесная» кровь, она из прошлого, из «дикой древней страны снов», неслучайно любимым местом ее пребывания является Древний Дом, символ прежней, «непрозрачной» жизни человека, имевшего право на частную индивидуальную жизнь.

Красивая, раскованная, непостижимая для рациональной логики Д-503, от имени которого ведется повествование, она стоит в ряду тех женских образов писателя, в которых ярко проявляется «скифское» начало, отражен древний идеал женской личности, сложившийся еще в языческие времена у наших предков.

Древнее представление о достоинствах женской личности, «высоких и желанных» ее чертах формировалось на Руси в эпоху богатырского идеала, когда в силу естественных исторических обстоятельств «человек везде в своей деятельности должен был богатырствовать, богатырски завоевывать себе положение и побеждать природу», когда «богатырство было исходным началом» жизни [2, с. 9]. Поэтому и представление о женской личности, формирующейся в сфере, «где мужественное дело и отвага составляли стихию жизни» [Там же, с. 44], не могло не включать в себя понятий храбрости, смелости, мужества, отваги. Это обстоятельство обусловило появление в русском эпосе образа удалой поляницы, «женского типа древнейшего народного эпоса, отличающегося величайшим характером» [1, с. 72].

Потребность «первого века» в мужестве и отваге повлекла за собой культивирование еще одной принципиально важной черты, ставшей едва ли не основной в понимании нашими предками женского идеала. Это свобода выбора, свобода действий и на поле брани, и в хозяйственной деятельности, и в любви. Когда-то

княгиня Ольга «делала все то, что делали все первые князья, воевавшие и торговавшие с Царь-градом, покрывшие соседние племена, уставлявшие уставы, уроки и дани» [2, с. 43]. И для современников княгини это было обычным делом.

Помимо того, идеал женской личности включал черты, коренящиеся в самой ее природе, мифологизированной древним сознанием. Женщина, дарующая жизнь, по представлениям язычника-славянина, владела тайнами естества, жизни и потому способна была врачевать, колдовать, заговаривать, заклинать, пророчествовать. Отсюда у русских так развит культ матери-земли и почитание образа вещи девы. А данные природой «чары красоты и любви» были сами по себе «очень достаточны для того, чтобы возвысить идеал женщины до мифического существа и вырастить на этой почве целый культ очарований во всяких других смыслах» [Там же, с. 44-45]. Все это делало женщину дохристианской эпохи самостоятельной и свободной по отношению к языческому обществу, равноправной с мужчиной, что более всего импонировало мировидческим принципам Е. Замятина. Очарованный древним идеалом женской личности, Замятин создает непривычный раскованный, яркий тип женщины из народа, имеющей свою жизненную позицию, отстаивающей ее, а самое главное, умеющей страстно любить, предвзято бессмертный шолоховский образ Аксиньи. В этом ряду находятся и «норовистая», «кряжистая» Марья («Кряжи»), и «кражая» Яуста («Африка»), и крепкая, «ржаная» Маринка («Полуденница»), и ее вариант, «затейница» и «задорница» Марька («Куны»), и раскованная, природная Пелька-охотница («Север»), и «расхристанная» Анфимья («Чрево»), и мятущаяся, приступившая нормы христианской морали Софья («Наводнение»).

В веренице подобных «величайших характеров», созданных Замятиным, едва ли не центральное место занимает I-330. В ней воплощен тип женщины-воительницы, «богатырихи», умеющей сражаться за свои и общественные идеалы. Мужественная, свободная, стоящая во главе тайной организации «Мефи», стремящейся низвергнуть Благодетеля, I-330 своей любовью освобождает от плена догм и тем самым очеловечивает Д-503. «Чары красоты и любви» героини помогают Д-503 обнаруживать у себя рождение души, самого опасного и «греховного» органа человека, с пробуждением которого герою открываются адские муки ревности, усиленные муками собственного «вероотступничества» от догм Единого Государства. Сопутствуя развитию темы любви, мотивы греха и ада неизбежно сопрягаются с древним мотивом рая.

Аллюзия на библейский рай возникает в связи с островным укладом жизни Единого Государства, его полной отгороженностью и оторванностью от всего земного. «Божественная» Зеленая Стена, как и райская ограда, ассоциируется со спасением, с изолированностью от греха, коим в пределах Единого Государства считается свобода, в том числе свобода выбора в любви и сама любовь. «Райское», в представлении Д-503, заорганизованное существование Единого Государства противопоставлено «дикой», неорганизованной, следовательно, для всякого нумера враждебной, таящей опасность жизни за пределами Зеленой Стены. Используя прием семантической инверсии, Замятин меняет местами данную оппозицию, переосмысливая проблему «первородности греха». Традиционное понимание грехопадения Адама и Евы, вкусивших запретный плод любви и изгнанных за это из рая, то есть выдворенных за пределы райской ограды, в применении к Д-503 имеет обратный смысл. «Вкушение» плода любви Д-503, свершенное им в Древнем Доме, а затем добровольный выход за пределы Зеленой Стены в свободный, «дикий мир» являются залогом его духовного возрождения, просветления и воскресения. Именно с чувством любви связывает автор «выздоравливание» обретающего душу героя, у которого начинает функционировать воображение, вольная фантазия, которые становятся динамитом для незыблемой, отлитой «из вечного стекла» идеологии Единого Государства.

Именно любовь дает силы противостоять и победить героине, которая, находясь на втором плане, играет ключевую роль в идейно-художественной концепции романа. Имеется в виду образ О-90.

Страшной бездушной системе Единого Государства в романе противостоит не только действенно активная I-330, но и мягкая, женственная, «милая» О-90. Не похожие друг на друга ни внешне, ни по характеру, они разными способами отстаивают свое человеческое право на личный выбор, личную свободу, на право быть женщиной, матерью, отвергают регламентированное счастье общества «идеальной несвободы».

В отличие от искрометной, «пахнувшей молнией», состоящей из углов I-330, О-90, облик которой дан в восприятии по-своему любящего, но не неподозревающего об этом Д-503, «похожа на свое имя: сантиметров на 10 ниже Материнской Нормы – оттого кругло обточенная, и розовое О – рот – раскрыт навстречу каждому моему слову. И еще: круглая, пухлая складочка на запястье руки – такие бывают у детей» [3, с. 213].

Непохожие внешне эти героини не совпадают и по внутренним своим качествам и устремлениям, направленным, в конечном счете, к фигуре Д-503. Вообще, взаимоотношения этих героев (Д-503, I-330, О-90) в каких-то сущностно-онтологических моментах предвзятуют бессмертный любовный треугольник шолоховского «Тихого Дона». Горячая, страстная, чувственно-прекрасная I-330 отзовется в образе «гордой» Аксиньи. А «милая» и скромная О-90, являющаяся в замятинском романе носителем идеи семьи, материнства, дома, воспринимается как предтеча шолоховской Натальи Коршуновой, да и главный герой романа «Мы» в своем отношении к обеим женщинам напоминают, при всей очевидной несхожести ситуации, характеров, хронотопа, Григория Мелехова, крепко связанного с Аксиньей любовью-страстью и откликающегося нежностью и привязанностью на «мысль семейную» Натальи.

Развитию центральной в романе темы любви, как уже указывалось ранее, сопутствуют мотивы древности и «дикого» природного мира. Эти мотивы – неизменная константа вообще замятинской концепции любви, которая включает высокую оценку «телесного», «чресленного», чувственного как ее могучей движущей силы. Телесное начало любви в творчестве Замятина приобретает ярко выраженный сакральный ореол. Такое понимание любви уходит своими корнями в глубокую древность, в дохристианские, языческие времена, когда «любовь считалась священным состоянием» [4, с. 49], прокладываящим путь к Богу. Именно тогда,

в языческие времена, начинает формироваться, по убеждению известного мифолога В. Топорова, понятие святости [6, с. 7-16]. В славянском язычестве это понятие связано с таинственным избытком жизненной силы, возрождающей энергии, сопутствующей чувству любви, что было воспринято Замятиным из родников народной культуры и воплощено, в частности, в романе «Мы».

Образ священной древности, наполненной глубочайшими духовными движениями, возникает в романе уже в его начале. Первое свидание I-330 и Д-503 происходит в Древнем Доме, душой и охранительницей которого является древняя, «вся сморщенная», с «кушедшими внутрь губами», с «заросшим глом» старуха из русских народных сказок, которой ведом древний закон жизни, где Бог и чувственная любовь были неразрывны: «Ну что, милые, домик мой пришли посмотреть? – И морщины засияли <...> Солнце-то, а? Ну что, что? Ах, проказница, ах, проказница! *Зна-ю, зна-ю!* Ну ладно: одни идите, я уже лучше тут, на солнце...» [3, с. 227]. В этом Доме герой был впервые «захвачен в дикий вихрь древней жизни» и остро почувствовал под «тихим прохладным стеклом» своего безликого существования послушного номера нечто «буйное, багровое, лохматое», что безумно пугает героя, а в авторской концепции является знаком синкретически целостного мира язычества, который в писаниях Замятина предстает как изначально райское единство духа и плоти. Поэтому так настойчиво звучит в его творчестве и в романе «Мы», в частности, мотив рая и перволюдей, связанный не только с сюжетной линией I-330 и Д-503, но и О-90.

В облике героини писатель постоянно подчеркивает ее со-природность, органичность, естественность. Первое появление О-90 на страницах романа предваряется краткой пейзажной зарисовкой, сделанной Д-503: «Весна. Из-за Зеленой Стены, с диких невидимых равнин, ветер несет желтую медовую пыль каких-то цветов. От этой сладкой пыли сохнут губы – ежеминутно проводишь по ним языком – и, должно быть, сладкие губы у всех встречных женщин <...>».

– <...> Чудесно. Весна, – розово улыбнулась мне О-90» [Там же, с. 212-213].

У О-90 «пейзажная» внешность: «чудесные синие <...> глаза», в которых отражаются «крошечные капли солнца», у нее «мокрая, сияющая улыбка», «на щеках чуть заметный рассвет зари», ее слова, как вешний поток, текут «ручьями через плотины», «из ее синих глаз», как из бездонного синего моря любви, «зачерпывает глазами» в последний раз герой, укрепляясь в своем «противозаконном» решении спасти О-90 и их будущего ребенка.

Пейзажные ноты, усиливающие впечатление природной естественности героини, – знак особенно ценного писателем чувства цельности бытия, непостижимым образом сохраненного героиней, но утраченного номерами Единого Государства. В розовой О-90 проявлено неотменимое никакими запретами и угрозами естественное следование Природе, что в аксиологической парадигме писателя является «самым главным». Об этом в 1909 г., находясь на курорте в Сестрорецке, напишет художник жене – Людмиле Николаевне Усовой. Пребывая в зените любовного чувства, Замятин передает то эмоционально захлестывающее переживание, которым будут наделены его самые любимые герои, вернее, героини: «Горячей, опьяняющей кушей нашей любви мы отрезаны от всего мира, – будто над нами свое собственное ночное небо, маленькое – и с огромными, пламенными и близкими звездами. Весь мир – и нас двое обнявшихся. И все-таки через ту же любовь – отделенные от мира – мы сливаемся с ним. Сливаемся потому, что плывем по течению. Пльвем туда, куда толкает нас Природа. В этом повиновении ей – такое наслаждение, потому что она огромна, велика, славна – сильнее нас; такое же наслаждение, как подставить себя огромной, бьющей, комкающей волне» [5, с. 53-54]. «Повиновение» О-90 неодолимо «течению» Природы подчеркнуто в ее колористическом коде. Розовый цвет, многозначный в художественной системе Замятина, в применении к О-90 является олицетворением ее женского начала, знаком предуготованности героини к «самому главному», по Замятину, закону естественного мира – «цветению» и «зачатию».

А вот что мешает, препятствует, сознательно искажает или деформирует этот закон, представляет для Замятина «мир объектов насмешек». Такими объектами неотразимой авторской иронии становятся в творчестве писателя добровольно покидающий любовный эдем землемер («Землемер»), поглощенный своей идеей-фикс Марей («Север»), отринувший все живое и природное «железный» Дорда («Рассказ о самом главном»), рациональный номер Д-503. При этом следует заметить, что сакрализуя закон «цветения», художник вовсе не призывает к возврату назад, к природе (это, по убеждению писателя, чревато такими рецидивами, какие отражены им в рассказе «Чрево» и повести «Наводнение»), а к цельности личности, гармонической слитности телесного и духовного, в противовес и христианскому аскетизму, и псевдодуховности европейской цивилизации, принижающих физическую природу, что приводит к нарушению космичности бытия и связи с «мирами иными». Рационализм всегда был неприемлем для Замятина, прежде всего, своей оторванностью от сущего, своей а-космичностью. Отделив дух от плоти, а разум от сердца, современная цивилизация обратилась к созданию рациональной, утилитарной культуры, поклоняющейся молочу вечного прогресса и материального изобилия и тем самым обрекшей бездушную плоть на неизбежное падение в бездны разврата и греха, к розовым талонам Единого Государства.

В «не способной мыслить абстрактно», то есть сухо и рационалистично, «обладающей простым круглым умом», деликатной, чуткой, О-90, не позволившей Д-503 совершить подлый по отношению к I-330 поступок, представлен гармонически слитный мир души и тела. Не случайно в ее внешности доминирует мотив круга, который еще с древних времен выражал идею единства, бесконечности, высшего совершенства (гармонии): у «кругло обточенной» О-90 «круглые, сине-хрустальные глаза», «розовое О-рот», «круглая, пухлая складочка на запястье руки», «простой круглый ум». И главному герою с ней всегда легко и «просто, правильно и ограниченно, как в круге». В этой снисходительно-высокомерной оценке «мозговика» Д-503 схвачена им самим неосознанная и нецененная по достоинству, основополагающая черта О-90: ее цельность, гармоничность.

Это главная доминанта органичной и природно-естественной О-90. Идеология Единого Государства деформировала понятия любви, семьи, материнства, дома. Живя в обществе искаженных нравственных, а точнее безнравственных ценностей и приоритетов, мягкая, уступчивая О-90 в следовании своему природному, высшему предназначению оказывает, может быть, самое сильное и действенное сопротивление бездушной государственной машине. Сопrotивляясь логике рассудочного государства, О-90 руководствуется вещим женским, материнским инстинктом, сердцем, которое подсказывает ей единственно верную линию поведения в обществе тотального сиротства. Реализуя природную «сверхзадачу» «цвести» и «плодоносить», она закладывает под незыблемый стеклянный монолит Единого Государства динамит, взрывная сила которого намного мощнее той, которая пробилась брешь в Зеленой Стене. В «повиновении» героини законам Природы ее бессмертная сила, которую не в состоянии одолеть даже такое бесчеловечное образование, как Единое Государство.

В завершении хочется подчеркнуть, что рассмотрение образов I-330 и О-90 в контексте традиций древнерусской культуры даёт возможность обнаружить потаённые нравственно-философские смыслы наследия Е. Замятина, его понимание русского, России, сокровенных основ и законов нации, бывших всегда в центре его внимания. Это обстоятельство, в свою очередь, позволяет осознать подлинный смысловой объём романа «Мы», который уже не выглядит странным исключением в творчестве художника, но представляется «законным фрагментом» целостного замятинского Космоса.

Список литературы

1. Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос. Русский народный эпос. Воронеж: Центр.-Чернозем. изд-во, 1987. 255 с.
2. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1972. 244 с.
3. Замятин Е. И. Собр. соч.: в 5-ти т. М.: Русская книга, 2003. Т. 1. Русь. 592 с.
4. Розанов В. В. Сны золотые // Слово. 1988. № 7. С. 47-51.
5. Рукописные памятники. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина. СПб.: Российская национальная библиотека, 1997. Вып. 3. Ч. 1. 436 с.
6. Топоров В. Н. Вступительная статья // Святость и святые в русской духовной культуре. Серия: Язык. Семиотика. Культура. М.: «Гнозис» – Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. I. Первый век христианства на Руси. 875 с.

THE OLD RUSSIAN MOTIVES IN Y. ZAMYATIN'S NOVEL "WE"

Komlik Nadezhda Nikolaevna, Doctor in Philology
Bunin Yelets State University
nkomlik@rambler.ru

The article examines the images of two main female characters in Y. Zamyatin's novel "We" - I-330 and O-90 - in the context of the Russian people's ancient ethical-aesthetic views, that allows the author of the paper to discover the hidden moral-philosophical senses, supplementing and specifying the unusually vivid national picture of the world created by the writer, in which the standing alone novel "We" fits well.

Key words and phrases: Pagan; pre-Christian Rus'; historical-cultural space; ancient ideal of feminine personality; natural and mechanical.

УДК 378.881.133.1(571.56)

Педагогические науки

В статье рассматривается проблема использования французских диакритических знаков в иноструктурных языках. Особенное внимание уделяется сложностям употребления диакритических знаков при обучении студентов-билингвов французскому языку, объясняются их причина появления и важность использования. Рекомендуются упражнения для понимания, закрепления и правильного употребления диакритических знаков во французском языке.

Ключевые слова и фразы: орфография; иноструктурные языки; диакритические знаки; иероглифический принцип.

Корнилова Октябрина Степановна, к. филол. н., доцент
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
9241666987@mail.ru

СЛОЖНОСТИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФРАНЦУЗСКИХ ДИАКРИТИЧЕСКИХ ЗНАКОВ В ИНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ ПРИ ОБУЧЕНИИ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ[©]

Студенты, изучающие иностранный язык, должны научиться правильно писать на изучаемом языке. Диакритические знаки присущи французскому языку, в отличие, например, от английского и немецкого языков, которые изучаются в Северо-Восточном федеральном университете имени М. К. Аммосова.